"Вся боль и страх, через которую ты заставила меня пройти, и теперь я знаю, что это не я, а ты". -Скиллет, "Это не я, это ты".

Гарри задавался вопросом, что побудило его наброситься на Асторию Гринграсс.

Последние несколько недель - с тех пор как его имя появилось в Огненном Кубке - были напряженными и крайне несчастливими. Проводя очередное лето с Дурслями, он, по крайней мере, надеялся, что ему удастся продолжить учебу и не привлекать к себе внимания на четвертом году обучения в Хогвартсе. В кои-то веки не было никаких предупреждений о надвигающейся гибели или угроз его персоне до поступления в школу, что заставило его думать, что в этом году ничего не случится.

Он с нетерпением ждал возможности просто посидеть и узнать что-то новое. Даже отмена квиддича не омрачила его настроения, несмотря на то, как сильно он любил этот вид спорта. Ведь он был так уверен, что в кои-то веки с ним не случится ничего плохого. Он был вдали от Дурслей и со своими лучшими друзьями. Даже занятия с Северусом Снейпом не грозили испортить ему год.

Конечно, потом он поехал на чемпионат мира по квиддичу. И на него напали Пожиратели смерти. Гарри уже начал подумывать, не сглазили ли его. Волдеморт должен был исчезнуть, он победил его дважды. А теперь его последователи напали на настоящее поселение, и почему-то их не встретили никакие ответные группы. Так или иначе, в небе появилась тёмная метка, и Гарри чуть было не обвинили в этом. Как, впрочем, и во всех прочих глупостях.

Он добрался до Хогвартса, и под шумок Турнира Трёх Волшебников и прибытия двух других школ Гарри смог почти забыть о катастрофическом окончании Чемпионата мира. В кои-то веки другие студенты и преподаватели могли наблюдать за тем, как кто-то другой совершает невероятные вещи.

В преддверии Хэллоуина Гарри начал нервничать. С этим днем у него было связано много плохих ассоциаций: день, когда убили его родителей, и он был обречен на жизнь с Дурслями, короткую, горькую жизнь без друзей и безопасности, даже когда он попал в школу, где должен был быть в безопасности. Люди там - они должны были быть дружелюбными, и обычно так и было. Пока что-нибудь не случилось.

Например, когда МакГонагалл сняла с него и Рона более ста баллов за то, что они спасли Хагрида от серьезных неприятностей. Или когда его обвинили в том, что он наследник Слизерина. И вот теперь.

Теперь кто-то включил его имя в Турнир.

Турнир Трёх Волшебников, победитель которого получит вечную славу. Боже правый. И на этот раз Рон тоже поверил. Гермиона не сказала, что поверила, но и промолчала, что было не хуже, чем то же самое.

Больше всех возмущался Хаффлпафф, потому что Рон, очевидно, был здесь только для того, чтобы поднять их на сцену, когда у них наконец-то появился высокопоставленный член дома. Видит Бог, никто и никогда не вписал бы имя Гарри без его разрешения. Этого никогда не было. Он же не попадал в опасные для жизни ситуации, от которых никто не мог его защитить.

Зачем Гарри вечная слава? Он уже был кровавым отродьем, победившим Волдеморта, и этого было достаточно для одного человека. Тем более что в одиннадцать лет на него было совершено покушение.

С него было достаточно вечной славы; сейчас он презирал её. Он предпочел бы быть Гарри никем, а не Гарри Поттером, мальчиком, который жил, чтобы иметь мишень, нарисованную на его спине.

В конце концов, после одной особенно неприятной насмешки со стороны Сьюзен Боунс и Ханны Эббот - этих кнопок с надписью "Поттер воняет" - Гарри надоело. Он решил изолировать себя.

Он не ходил в классы за едой, а ел на кухне с помощью Добби. Он оставался невидимым в коридоре. Он сидел в конце класса и ни с кем не разговаривал.

Задание с драконом чуть не убило его. Некоторые люди были возмущены тем, что этого не произошло. Рон и Гермиона пытались заговорить с ним после этого, но он ловко уклонялся от них. Просто думать о них было больно.

В эти дни он почти не спал, просто выходил на улицу и смотрел на небо или прятался в библиотеке, читая книги. Пытаясь заглушить боль и одиночество. Он думал, найдется ли когда-нибудь место, где его примут, и не придется ли ему постоянно оглядываться через плечо в поисках очередного сторонника Темного Лорда, желающего его смерти во имя чистоты крови.

Однажды темной ночью Гарри горько усмехнулся. Разве Вернон не сказал ему? Перед тем как Вернон отправил его на платформу "Девять и три четверти", он сказал Гарри, что волшебники тоже не захотят его брать. Гарри не послушал его.

Теперь, очевидно, следовало.

Гарри ненавидел, когда Вернон был в чем-то прав.

Стоило бы никогда не слышать о магии, подумал он, если бы это означало конец этой боли.

На следующий день, словно кто-то подслушал его желание, Гарри встретился с кем-то. Кого-то другого.

Гарри читал в углу, когда услышал приближающиеся шаги. Его взгляд метнулся за край учебника по Зельям, который он читал, чтобы скоротать время. Если бы Снейп не был таким жестоким учителем, он бы, наверное, наслаждался этим предметом.

По зеленой окантовке мантии он определил, что она из Слизерина, и не смог подавить стон. Отлично. Наверное, она была одной из фангерл Малфоя или из группы последователей Пэнси, которые сыпали жестокими словами и проклятиями за возможность быть ее подругой. А ведь он был так уверен, что Слизеринцы не придут в эту часть библиотеки.

"О, пожалуйста, не надо так вздыхать". Слизерин сказал это немного обиженно. Ее голос был приятнее и мягче, чем он ожидал. "Я не хулиганка".

Гарри моргнул и посмотрел на лицо девушки.

Она была молода, возможно, на год младше самого Гарри. И она была красива. Ее кожа была светлой, а лицо имело аристократические черты, характерные для чистокровных. У нее были высокие скулы и ярко-зеленые глаза. Волосы у нее были дикие и светлые, тщательно собранные в две длинные косы, спускающиеся по спине. Из-за школьной мантии это было трудно определить, но она была хорошо сложена для девушки ее возраста. Из ушей свисала пара сверкающих рубиновых сережек.

"Не помню, когда в последний раз я разговаривал с кем-то, кто не был таким". Гарри ответил через несколько минут. Его голос был хриплым, потому что в последние несколько недель он пользовался им нечасто.

Девушка с сочувствием посмотрела на него. Гарри подумал, не привиделось ли ему все это - что эта девушка просто плод его воображения, пытающегося избавиться от одиночества. "Мне было интересно, куда ты пропадаешь - ведь раньше я постоянно видела тебя в коридорах, а теперь ты словно призрак".

"Не стоит быть кем-то другим", - сказал Гарри.

Он не хотел, чтобы слова прозвучали так горько, но почувствовал их вкус, как только они покинули его рот. Зеленые глаза девушки стали грустными, но в них появилось тепло, которое Гарри никогда бы не связал со Слизерином. Или чистокровной, если уж на то пошло. Из всех чистокровных девушек, которых он видел, - Слизерин, Рейвенкло, Гриффиндор - все они обладали холодным, контролируемым холодом в глазах. Он находил это глубоко тревожащим.

"Мне жаль это слышать". Она сказала это так, как будто говорила всерьез. Не то что Гермиона, от сочувствия которой веяло презрением. Девушка оглядела стопку книг. "Ты не против, если я останусь здесь ненадолго? Я подумала, что тебе, наверное, одиноко".

<http://tl.rulate.ru/book/102956/3571116>